

— Папа!

— Ты послушай, я погублюсь... тьфу! Я поясню!

Цзян Жунькунь почти кричал, его лицо исказилось отчаянием, на лбу проступили капли холодного пота. Он смотрел на отца, чье морщинистое лицо застыло в выражении крайнего изумления.

Цзян Сы замер в дверях деревянного сарая, его пустой взгляд был прикован к собственному драгоценному сыну... или точнее, к дочке. Теперь, вероятно, это определение, исполненное магического реализма, подходило куда больше.

В сарае стоял густой запах древесных опилок и плесени, атмосфера сковала пространство, словно замерзшее тофу в середине зимы.

Дождь за окном барабанил по полиэтиленовому навесу, как дробь барабанов, отсчитывая удары прямо по сердцу Цзян Жунькуня.

— Я говорю... это правда не было моим намерением! Ты должен поверить мне!

Голос Цзян Жунькуня охрип от напряжения, сквозя безысходностью: — Если бы я знал, что эти упражнения приведут к появлению двух этих бугров, я бы ни за что не притронулся к этой дряни, папа!

Он инстинктивно хотел прикрыть грудь, но решил, что это лишь привлечет больше внимания, и замер с руками в полупозиции, напоминая собой кривоватую статую сдающегося в плен солдата.

Цзян Сы продолжал молчать.

Его изборожденное морщинами лицо, закаленное горными ветрами и палящим солнцем, сейчас выражало такую гамму эмоций, что напоминало помятый лист бумаги: недоумение, ужас, полное замешательство. А еще в его глазах читалось легкое подозрение: не сошел ли он с ума, не обрушилась ли вчера балка в доме, из-за чего теперь ему мерещится всякое?

Мутные глаза отца медленно переместились с плоской, но явно переставшей быть мужской, груди своего ребенка на его чистое, красивое лицо, на котором сейчас было написано буквально: Папа, я действительно невиновен.

В тот самый момент, когда Цзян Жунькунь, казалось, готов был пасть на колени под тяжестью безмолвного суда и закричать: Папа, я виноват, это было мое желание, — его осенило. Он резко поднял левую руку, ладонью вверх!

— Посмотри на это!

Цзян Жунькунь издал сдавленный рык, направляя энергию в даньтянь, где вращался уже привычный вихрь Истинной Ци Сюаньцзи Юйхэн!

Бу!

Крошечная точка чистого серебристого света, подобно космической сингулярности, внезапно вспыхнула в центре его ладони!

Никаких сложных жестов, только сила мысли!

Эта световая точка, словно живая жидкость, начала стремительно менять форму прямо у него на ладони.

То она вытягивалась в холодный миниатюрный световой меч.

То с тихим звуком сворачивалась в пухлого, пушистого светящегося хомяка с объемным хвостом.

Затем она исказилась, превратившись в гордого, собирающегося прокукарекать... светового петуха.

И наконец, приняла контуры шаткого, едва угадываемого светового теленка.

— Видишь, папа! Это боевое искусство! Нет, это техника совершенствования!

Цзян Жунькунь от волнения сбился на бессвязную речь.

— Без этой способности я бы до сих пор лежал в кровати, ожидая, пока ты будешь выносить за мной утку! Мои ноги исцелились именно благодаря этому!

Он с силой топнул, и поленья под его ногами жалобно застонали.

— Но... у этой силы... есть и цена...

Его голос стих, взгляд печально и обреченно скользнул по его собственной груди, которая стала новым стратегическим высотным объектом.

В тусклом свете сарая серебристые искры плясали на ладони Цзян Жунькуня, отражаясь на

его юном лице и застывшем, состарившемся лице отца, создавая крайне сюрреалистичную и грустную картину.

Глаза Цзян Сы наконец сдвинулись, перейдя со светового теленка обратно на сына.

В его горле раздался звук, похожий на свист кузнечных мехов, а затем медленно, словно выковыывая слова из тридцатилетней пыли, он выдавил:

— Кве... хуа... Баодянь?

Голос звучал хрипло, будто наждачной бумагой по ржавой трубе.

— Э... — у Цзян Жунькуня перехватило дыхание.

Папа, да ты, похоже, мастерски подсел на сериалы о боевых искусствах!

У него дернулся уголок рта, но он в итоге тяжело кивнул, решив, что это объяснение наиболее понятно.

— Вроде того! Но в глубоком развитии это куда мощнее, чем техника вышивающего Дунфан Бубая! Правда! Я могу летать через небеса, пронзать землю, двигать горы и поворачивать реки!

Он попытался приободрить отца.

— А цена в том, что...

Цзян Сы снова тяжелым взглядом окинул эти две точки, ставшие ценой, в глубине его глаз отразилось горькое понимание человека, знающего жизнь.

— Ты тоже станешь, как тот Дунфан Бубай... из мужика с достоинством... превратишься в... в...

Слово «женщина» вертелось у него на языке, но он так и не смог его произнести.

Для старого фермера, который всю жизнь трудился в горах, чьи убеждения о продолжении рода были незыблемы, видеть, как его сын, на которого возлагались все надежды, вдруг стремительно превращается в женщину... это потрясение было сродни взрыву фейерверка на фамильном кладбище!

Сын, которого он растил двадцать лет, станет женщиной?

В голове Цзян Сы промелькнули легенды об оборотнях и призраках, которые он слышал в молодости, и все застыло на классическом образе Дунфан Бубая с иголкой в руках.

Хотя он понятия не имел, кто такой был Цзинь Юн, это не мешало ему чувствовать себя ошеломленным от абсурдности реальности!

Даже Илон Маск не смог бы принять такую историю с деторождением!

— Я...

Цзян Жунькунь открыл рот, но слова о том, что это все может отрасти обратно, застряли у него в горле.

Золотое ядро в даньтяне?

Перерождение души?

У него самого не было ответов!

А что если Император Цзывэй предпочитает женский облик?

А что если по заводским настройкам системы он должен был стать величайшим бьюти-блогером мира бессмертных?

Он посмотрел на отца, который в один миг словно постарел на десять лет, с глазами, полными отчаяния, и подумал о матери, которая до сих пор не знала о правде и волновалась лишь о том, что у сына странно развиваются грудные мышцы...

Забудь.

Цзян Жунькунь опустил плечи, долго и бесшумно вздохнул, признавая поражение.

— Папа... так, может, будет даже лучше. По крайней мере... я могу стоять, ходить, заботиться о вас в старости... быть полноценным человеком.

Он сделал паузу, его голос стал тише, наполненный усталостью и едва заметным облегчением.

— Это лучше, чем... чем всю жизнь лежать бревном, будучи инвалидом, правда?

Эти слова, как невидимая игла, вонзились прямо в самое больное место Цзян Сы.

Паралич сына был ежедневным кровавым кошмаром родителей, к которому они боялись прикоснуться. Теперь же сын говорит, что может быть «полноценным», хотя направление этой полноценности крайне сомнительно...

Мутные глаза Цзян Сы яростно сверкнули.

Он смотрел на этого одновременно чужого и родного сына... или дочь?

Эти глаза, этот тон кожи...

Если присмотреться, разве не становится он похож на жену в молодости?

Он внезапно вспомнил, как вчера жена ворчала: «Сын стал выглядеть даже красивее, чем я в молодости...»

Оцепенение начало спадать с лица старого Цзян Сы.

Уголки его рта изогнулись в сложной, горькой и в то же время решительной улыбке. Он вытянул свои грубые руки, покрытые мозолями, и с силой, почти болезненно, потер лицо.

Когда он снова поднял взгляд, в нем царил смирение.

— Плевать!

Он глухо произнес это слово, нагнулся и поднял дрова, которые выронил ранее, словно ничего не произошло.

— Дочь... так дочь!

Он словно убеждал себя сам, тон вдруг стал увереннее, в нем пробилась привычная мужская твердость.

— В любом случае это лучше, чем лежать парализованным! В будущем... будешь помогать матери, растапливать печь, готовить еду!

При этих словах старик явно запнулся, его взгляд блуждал по протекающему потолку сарая, словно он давал клятву всем небесным божествам — главное, что сын не превратился во внучку! Он, старый Цзян, пойдет на все!

Поворот его мысли был быстрее, чем летняя гроза в горах Фуню!

Тяжелая атмосфера в сарае мгновенно рассеялась под напором решительных слов старика.

Только воздух, смешанный с запахом плесени, отцовской любви и странным абсурдом гендерной замены, продолжал висеть в тишине.

— Папа...

Цзян Жунькунь смотрел на сгорбленную спину отца, который, делая вид, что все в порядке, нес дрова из сарая, и его горло сжалось.

Он глубоко вздохнул и тихо окликнул его:

— Ты... найди подходящее время... когда будешь свободен... скажи что-нибудь маме?

Старый Цзян Сы остановился, не оборачиваясь, лишь почесал охапкой дров затылок, и до сына донесся глухой голос:

— ...Знаю! В этом деле... я разбираюсь лучше тебя!

В чем он разбирается?

Разбирается, как объяснить жене, что их сын, совершенствуясь, превратился в дочь?

Старый Цзян и сам этого не знал!

Дальнейшие дни превратились для Цзян Жунькуня в уникальный по своей тонкости опыт.

Взгляд матери, Сюй Цю, сменился с изначального «ой, у сына проблемы с развитием, нужно дать народное средство» на настороженный и изучающий, полный невысказанных вопросов, сканирующий его на 360 градусов.

— Кунь... кхм, сынок...

Сюй Цю осторожно пододвинула к сыну миску с густым, как чернила, травяным отваром по семейному рецепту, купленным у Ли По из деревни Храма Основателя за три фунта лесных орехов. Ее глаза пристально следили за его лицом и грудью, пытаясь понять, не растут ли те странные формы.

— Мама сварила тебе суп... чтобы наладить ток крови...

Ее взгляд был невероятно сложным: семь частей волнения и три части тайной надежды — а вдруг после этого те два бугра рассосутся?

Цзян Жунькунь опустил голову, глядя на темную жидкость с плавающими корешками неизвестных растений.

— ...

Он молча пропустил Истинную Ци Фиолетового Свода по поверхности тела, создав тончайшую защитную мембрану — предусмотрительность против «материнской любви».

Он лишь мог притвориться дурачком и отодвинуть миску:

— Мам, у меня жар в теле в последнее время, даже от прохладного чая бросает в пот. Этот горячий суп... оставь себе, поправь здоровье! Посмотри сама, ты ведь стала такой бледной!

Он попутно выудил из кармана новую партию Пилюль женьшеневых усов, вкус которых очистил от горечи с помощью Ци, и сунул их матери в руку.

— Вот, поешьте вместе с папой как конфеты, тело станет крепким, доживете до ста лет!

Сюй Цю сжала пахучую пилюлю в руке, снова посмотрела на лицо сына, красивое и румяное, не похожее на деревенского парня, а потом на его грудь, скрытую широкой курткой...

Мать открыла рот, но в итоге все опасения вылились в глубокий вздох. Она молча спрятала пилюлю, а в ее взгляде читалось лишь огромное недоумение: «Сын большой, его не заставишь... и кажется, он даже умеет меняться».

Цзян Жунькунь решил игнорировать это!

Пока родители не заговаривают об этом прямо, а зеркало не свело его с ума, «она» все еще остается «им»!

Четырнадцатый день восьмого лунного месяца, канун праздника Середины осени.

Рано утром старый Цзян Сы внезапно выкатил свой запыленный, разваливающийся на ходу мотоцикл «Цзуншэнь 125» и начал яростно тереть его старым полотенцем.

— Пошли, Кунь.

Цзян Сы позвал сына. В его голосе звучало нечто фаталистичное, решительное.

— Куда, папа??

— В город!

— В город? За лунными пряниками?

— ...Нет... надо купить одну... кое-какую вещь!

Цзян Сы отвечал невнятно, но его взгляд был тверд, как у охотника, идущего на медведя.

— Быстрее! Не копайся!

Сердце Цзян Жунькуня екнуло, предчувствие беды накрыло его.

Мотоцикл затарахтел по извилистой горной дороге, Цзян Жунькунь держал отца за пояс, его мысли метались.

Осенний ветер трепал его новые длинные волосы, открывая чистый лоб и все более изящную линию подбородка, привлекая любопытные взгляды деревенских жителей, работавших в полях.

<http://bllate.org/book/18961/1859952>